

© 2004 г. А.А. ЛЕВИТСКАЯ

**АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ,
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО**

Идея Ю С Маслова [Маслов 1978 22] и А В Бондарко [1983 76–77] о том, что функционально-семантическое поле аспектуальности, по всей видимости, можно считать универсалией, полностью подтверждается на материале осетинского языка. В современном осетинском языке главными компонентами этого поля являются способы действия, категория предельности/непредельности, грамматическая категория глагольного вида и грамматическая категория кратности. В роли ядра функционально-семантического поля аспектуальности в осетинском языке выступают категории глагольного вида и кратности.

Все осетинские глаголы четко дифференцированы по виду либо как глаголы совершенного вида, либо как глаголы несовершенного вида. Существует три ряда глагольных форм, выражающих видовые значения, которые могут быть интегрированы в рамках оппозиции достигнуто/недостигнуто предела действия. Все осетинские глаголы НСВ (бесприставочные в инфинитиве, неприставочные глаголы настоящего, прошедшего и будущего времени и приставочные глаголы с аффиксом *-цæй-*) противопоставляются всем глаголам СВ (приставочным формам в инфинитиве, приставочным глаголам настоящего, будущего и прошедшего времени) по аспектуальному семантическому основанию "направленность действия на достижение предела".

Наибольший с точки зрения общей и сопоставительной аспектологии интерес имеют формы одного и того же глагола, представляющие действие как направленное на достижение предела и достигшее этот предел. Например *арбатулын* "прикатить" – *арбацæйтулын* "прикатывать", *рацæуын* "выйти" – *рацæйцæуын* "выходить", *фапырхкæнын* "разбить" – *фацæйпырхкæнын* "разбивать" и др.

Приставочные глаголы с аффиксом *-цæй-* и те же глаголы без этого аффикса противопоставляются как видовые формы одной и той же лексемы, то есть противопоставление их отвечает требованию "эмансипированности от лексических различий" [Маслов 1978 28], выдвигаемому в качестве самого важного критерия при доказательстве видового характера глагольной оппозиции. В такого рода парах мы имеем чисто видовую оппозицию, формообразовательного характера. Однако подобное видовое формообразование возможно лишь в сфере приставочных глаголов предельно-результативной семантики, причем с определенными ограничениями, связанными с аспектуально-акциональной и пространственно-ориентационной семантикой некоторых приставок (*а-*, *ба-*, *ны-*). Большая же часть приставочных и неприставочных глаголов не имеет видовых коррелятов по семантическому основанию "направленность действия на достижение предела".

Глаголы с аффиксом *-цæй-* выражают либо процессуальный характер действия *intra terminos*, между его начальным и конечным пределом, где-то в "середине" его течения [Маслов 1978 34], либо указывают на недостижимость предела действия вследствие его прерванности. Например, в следующих предложениях глаголы с аффиксом *цæй-* выражают процессу-

альность действия: а) *Салдат йа фадьла арбацэйхаста хацэнгарз...*, *стэй ма поджыдар дыууа салдаты арбацэйхастой: ну-чемодан, инна – чысылгомау радиоприемник* "Солдат за ним нес оружие,... и еще два солдата несли: один – чемодан, а другой – небольшой радиоприемник"; *Шэфта рацэйздэхтысты зылды жандармерийа* "Шефы возвращались из окружной жандармерии"; *Йе, лаппу, йе та чысыла лаппу-лаг...* *кгах сцэйиста уаламе уазласэны гуыффэма, бынтондар цэмэй сбыра уый тыххэй* "Не то мальчик, не то маленького роста паренек заносил ногу, чтобы совсем перелезть в кузов..." и др.

Глаголы с аффиксом *-цэй-* обозначают также, как отмечено выше, направленное на достижение предела действие, не реализованное во всей полноте вследствие его прерванности. Значение этого типа глаголов с *-цэй-* близко значению недостижимости предела в формах имперфекта ряда языков, употребленных "в качестве *imperfektum de conatu*", "имперфекта (безуспешной) попытки" (лат. *dabam* "я давал" в смысле "пытался дать") [Маслов 1978: 16]. Подобная разновидность видового значения определяется в аспектологии как *к о н а т и в н а я* [Бондарко 1971: 27] или *к о н а т и в н о - т е н д е н т и в н а я* [Маслов 1959: 308]. Например: – *Цэй, тынаргэ сембалтта...* – *рацэйдзырдта Иван Федорович аме банцад* "– Что ж, товарищи дорогие... – начал было Иван Федорович и смолк"; *Немыцаг салдат, Валяйы чи бауагыта мидэма йа чемоданима, уый фацэйахста Уляйы йа цонгай фэлаэ йам чызг бакаст аенцад аме аенауынон цастаенгасэй* "Немецкий солдат, пропустивший Валу с чемоданом, схватил было Улю за руку, но она спокойно и холодно взглянула на него" и др.

Какое именно из значений – процессуальности или прерванности действия – выражает глагол с *-цэй-*, выявляется в конкретном контексте. Например: *Раззэтта фацэйзгьордой телы тыхтоны рдэм, фэлаэ сэ Главан ацахста аме арвыста телын бырууы бацауанма* "Передние побежали было к козлам, опутанным проволокой, но Главан перехватил их и направил в проход в заграждении" – здесь глагол *фацэйзгьордта* обозначает прервавшееся действие. Сравним с другим контекстуальным употреблением этого же глагола: *артыккаг авг куы фехста, уадэй, парчы куы фацэйзгьордта, уадма, Сержка аьдариддар кодта, уыдон инстиктивон аэгьдауай кодта, аме, аваццэагэн, йа бон дар нал бауыдаид, цы рцыд, уый архъуыды каньын* "С того момента, как он бросил третью бутылку, и до того момента, как он осознал, что бежит по парку, он все делал инстинктивно и вряд ли мог бы восстановить в памяти, как все это происходило" – здесь тот же глагол *фацэйзгьордта* обозначает процессуальный характер действия.

Как разновидность конативно-тендентивного типа значения могут быть выделены примеры употребления приставочных образований с *-цэй-* с оттенком готового совершиться действия. Например: *Уый фаста ма суагьд кодтой ма феллад суадзыны тыххэй, феллад суадзыны фаста аендар афсаддон хайма фацэйхаудтан, аз та комендантай ракуырдон, сразы каньын ай кодтон, аме мын нахионты эшелоны бынат скодта...* «Потом мне отпуск дали, а после отпуска я попала бы (в осет. букв.: "чуть было не попала") в другую часть, а я упросила коменданта, и он меня устроил в эшелон к нашим...».

Таким образом, глагольные образования с аффиксом *-цэй-* выражают либо конкретно-процессное значение, либо конативно-тендентивное значение; эти значения могут быть интегрированы в единое, более общее, значение недостижимости предела действием, направленным к достижению предела, который в зависимости от лексической семантики приставочного глагола может быть более или менее абстрактным [Авилова 1976: 23–26].

Это значение направленности на достижение предела действия оказывается по-разному представленным приставочным глаголом (как достигнутость предела) и тем же глаголом с *-цэй-* (как недостижимость предела). Фактически мы имеем бинарную оппозицию по семантическому основанию аспектуального содержания, которая носит формообразовательный характер: граммы противопоставляются

только по одному аспектуальному признаку. Роль осетинского аффикса *-цæй-* в известной мере напоминает роль русских суффиксов имперфективации *-ива-* / *-ыва-*, *-ва-*, *-а-*. Например: *переписать* // *переписывать*, *опошлить* // *опошлять*, *расщедриться* // *расщедриваться* [РГ-80: 588–590].

Отличительной особенностью осетинского имперфективирующего аффикса является то, что он имперфективирует лишь приставочные глаголы, тогда как с помощью суффиксов имперфективации в русском языке регулярно образуются глаголы несовершенного вида как от префиксальных, так и от бесприставочных глаголов совершенного вида. Кроме того, функциональная нагрузка аффикса *-цæй-* значительно меньше в сравнении с суффиксами имперфективации: известно, что русские имперфективы обозначают как действия конкретно-процессные, так и многократные, поскольку суффиксы имперфективации одновременно являются и показателями многократности [РГ-80: 350–355]. Аффикс *-цæй-* имеет лишь одну функцию – указателя недостижимости предела действия.

Основными частновидовыми значениями, выражаемыми глаголами несовершенного вида в осетинском языке, являются: 1) конкретно-процессуальное; 2) конативно-тендентивное: а) прерванного или б) готового совершиться действия; 3) общефактическое, или обобщенно-фактическое; 4) постоянного отношения.

Для русских глаголов в НСВ, наряду с конкретно-процессным, постоянного отношения и обобщенно-фактическим (во всех их разновидностях) значениях, основным является также значение неограниченной кратности действия. В осетинском языке это значение не является релевантным для семантического потенциала НСВ и связано с действием грамматической категории кратности.

Значение кратности действия выражается конструкцией "глагол + частица *-уу*", которая может быть противопоставлена тому же глаголу без частицы *-уу* как не имеющему значения повторяемости действия, т.е. в осетинском языке возможна оппозиция многократность/однократность действия. Никакого другого дополнительного лексического значения эта оппозиция не имеет. Противопоставление по данному аспектуальному основанию возможно для глагола любого значения: любое действие может быть произведено один раз или несколько раз (в разные периоды времени), следовательно, противопоставление по признаку кратности в принципе не может быть ограничено какими-то семантическими (лексическими) рамками. Аналитический способ выражения [Арутюнова 1956: 89–93; Гухман 1955: 343–359; Жирмунский 1976: 82–124; Смирницкий 1956: 41–52] кратности глагольного действия, исключая сопротивление глагольной лексики по "словообразовательным причинам", способствует неограниченным возможностям для выражения неоднократной повторяемости любого глагольного действия. Конструкция "глагол + частица *-уу*" употребляется "для выражения многократности или обычности во всех временах" [Абаев 1962: 551; Гуриева 1959: 58] и, добавим, наклонениях.

Обязательность, регулярность выражения значения кратности любого глагольного действия при соотнесении с ситуацией повторяющегося в разные локально-временные промежутки действия во всех временах и наклонениях с помощью особой конструкции "глагол + частица *-уу*" позволяет говорить о существовании в осетинском языке грамматической аспектуальной категории кратности, выражающейся противопоставлением двух рядов форм: глаголов без частицы *-уу* как выражающих значение однократного характера действия и тех же самых глаголов с частицей *-уу*, указывающих на кратность действия.

Категория кратности принципиально отличается от категории вида. Если категория вида относится к числу субъективно-объективных категорий, "устанавливающих тот угол зрения, под которым рассматривается действительность и ее элементы", то категория кратности является, на наш взгляд, категорией объективной, "по преимуществу отражающей наблюдаемые и преломляемые сознанием человека связи и отношения объективной действительности" [Маслов 1975: 161].

Как известно, "в семантической стороне грамматического строя славянских языков" закрепился тот "взгляд на действие", который отражается в признаке неделимой целостности действия, присущем совершенному виду в отличие от несовершенного" [Бондарко 1973: 14]. Этот признак не релевантен вообще для коммуникации, "не является обязательным для передачи основного смысла высказывания" [Бондарко 1973: 15]. В осетинском языке субъективно-объективной категорией вида устанавливается тот угол зрения, под которым действие рассматривается как достигшее или недостигшее внутреннего предела развития. Что же касается характера аспектуальной информации, передаваемой категорией кратности, то, как можно убедиться на любом примере, осетинской конструкции с частицей *-иу* всегда соответствует русский эквивалент, выражающий значение повторяемости действия в полном объеме в разные локально-временные периоды через неопределенные промежутки времени, т.е. между языками обнаруживается сходство в языковой интерпретации, в соотношении факта языка с фактом объективной действительности [Холодович 1963: 9]. Такое сходство свидетельствует об объективном характере категории кратности, отражающей кратность действия как объективный факт объективной действительности.

С точки зрения функциональных соответствий можно сказать, что неограниченно-кратному типу употребления русского НСВ (во всех разновидностях) в осетинском соответствует сфера употребления категории кратности. Если в русском языке неограниченно-кратное значение – это одно из основных значений НСВ, то в осетинском языке произошел, так сказать, раздел на сферы влияния в обозначении характера протекания и распределения во времени действия между оппозицией СВ:НСВ и категорией кратности.

Наличие в современном осетинском языке функционально-семантического поля аспектуальности, ядром которого являются грамматическая категория вида и грамматическая категория кратности, заметно отличает осетинский язык от родственных ему иранских языков и сближает со славянскими. В осетиноведении принята точка зрения о близости между славянским (русским) и осетинским глагольным видом, которая, по мнению многих исследователей, основывается на общности функций прерывов, способных перфективировать глагол.

В наиболее концентрированном виде теория "прерывной перфективности" в осетинском нашла свое отражение в "Скифо-европейских изоглоссах" В.И. Абаева, в очерке "Грамматические изоглоссы. Прерывы и перфективность" [Абаев 1965: 51–68]. Основная идея очерка о том, что в осетинском и славянском имеется далеко идущая "близость в перфективирующей функции прерывов" и что "эта близость лучше всего может быть объяснена как результат ареальных скифо-славянских языковых контактов в Восточной Европе" [Абаев 1965: 68], позднее была повторена автором в еще более категоричной формулировке: "В скифо-европейский период скифо-иранские наречия отделились уже от остального иранского мира, но вступили в длительные контакты с языками тогдашнего европейского круга: славо-балтийскими, германскими, кельтскими, предком латинского языка, предком тохарских языков. Эти контакты имели ряд языковых последствий. В грамматике перфективирующая роль прерывов, которая в древнеиранском только намечалась, стала законом" [Абаев 1977: 8]. По мнению В.И. Абаева, этот закон уже действовал в древнеосетинском языке в период "от второй половины II тыс. до н.э. до первых веков н.э.", а точнее, до гуннского нашествия, т.е. до IV века н.э. [Абаев 1965: 53].

Как было доказано в работах многих аспектологов и, прежде всего, Ю.С. Маслова, во всех европейских языках, о которых говорит В.И. Абаев, прерывы выступают показателями не перфективности, а предельности.

Что касается русского языка, то, как известно, "только с середины XII века по конец XIV века укрепляется и окончательно формируется значение совершенного вида и происходит осмысление приставок как видообразующего средства в русском языке" [ИГРЯ 1982: 277–278].

Таким образом, совершенно очевидно, что перфективирующая функция глагольных приставок в осетинском языке не могла развиваться как результат скифоевропейских контактов в период с середины II тыс. до н.э. до IV века н.э., к тому же, как подчеркивает [Зализняк 1963: 5], даже в эту эпоху наибольшей близости "прямое взаимопонимание между славянами и скифами было уже практически невозможно" [Зализняк 1963: 21].

Кроме того, чрезвычайно ценную аргументацию в пользу способности превербов уже в древнеосетинском языке маркировать предельность, мы извлекаем из дигорского диалекта осетинского языка.

Расхождения между дигорскими и иронскими языковыми фактами отражают, как известно, глубокие в хронологическом и лингвистическом отношении процессы: "В области фонетики и отчасти морфологии дигорский диалект отражает нормы, переходные от древнеиранских к современным иронским. Иначе говоря, в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и иронский диалекты могут быть рассматриваемы как два последовательных этапа развития одного и того же языка" [Абаев 1949: 360].

Многими исследователями и, прежде всего, В.И. Абаевым установлен целый ряд расхождений между иронским и дигорским диалектами в употреблении превербов, в их значениях, в их функциях.

Расхождения в функционально-семантической нагрузке между иронскими и дигорскими превербами, а также отражение в обоих диалектах постепенного характера процесса превращения бывших древнеиранских предлогов в превербы показывает, что формирование функций превербов и значений приставочных глаголов в целом относится к сравнительно недавнему, "кавказскому", периоду истории осетинского языка. Именно в этот период глагольные префиксы вовлекаются в круг новых обязанностей: при глаголах движения – перемещения они не просто указывают на направление движения в пространстве, но за каждым из них закрепляется значение определенной ориентационной локализации позиции наблюдающего за действием: наблюдатель находится либо в начале, либо в конце действия в позиции внутри, снаружи, внизу, наверху. Новые пространственно-ориентационные значения были вторичными по сравнению со способностями осетинских превербов обозначать предельный характер действия. Доказательством тому, что к моменту развития в осетинских префиксах значения пространственной ориентации они уже выполняли роль маркеров предельности, может служить и такой факт, как функционирование в осетинском языке большого числа глагольных образований, подвергшихся опрощению, – об этом языковом явлении писали Цаболов [Цаболов 1957: 321–333], Козырева [Козырева 1951: 10–11], Абаев [Абаев 1965: 63–64].

В результате переразложения основы приставки в таких глаголах не осознаются, хотя исторически выделяются как мертвые, непродуктивные, в отличие от живых, продуктивных. Р.Л. Цаболов выделяет как непродуктивные следующие превербы: *ав-лаф-*; *ам-лаен-л*, *и-*, *ив-*, *у-*, *фал-*, *фар-*, *ра-лао-л*. Им противостоят живые, продуктивные: *а-*, *ар-*, *арба-*, *ба-*, *ны-*, *ра-*, *с-*, *фа-* [Цаболов 1957: 321].

Развивая идею возникновения перфективной функции в осетинских превербах под влиянием скифоевропейских контактов, В.И. Абаев привлекает как аргумент в пользу своей гипотезы и большую группу глагольных образований, подвергшихся опрощению. «Показательно, – пишет В.И. Абаев, – что в этих случаях глагол, несмотря на наличие преверба, не имеет перфективного значения. Чтобы придать такое значение, надо снабдить его еще одним превербом, например: *ныгънын* "хоронить", здесь мертвый преверб *ны-* (ср. *ба-ныгънын* "по-хоронить"). О чем это говорит? Конечно, о том, что перфективирующая функция не является для осетинских превербов исконной. Она не унаследована от древнеиранского. В тот относительно древний период, когда в осетинском происходило сращение некоторых превербов с некоторыми глагольными основами, превербы еще не сообщали глаголу перфективного значения, т.е. сохранили еще то положение, которое было в древнеиранском. Таким образом, ...мы получаем решительное подтверждение вторичного характера пер-

фективирующей функции превербов в осетинском... Этот процесс проходил в контакте и взаимодействии со славянскими языками» [Абаев 1965: 64]. В.И. Абаев, несомненно, прав, рассматривая лексикализованные глагольные образования как доказательство вторичного характера перфективирующей функции в современных осетинских превербах. Однако применительно к тому периоду истории осетинского языка, о котором пишет В.И. Абаев, следует говорить, как отмечалось выше, только о предельности, но не о перфективности глагольного действия. И в этом смысле чрезвычайно существенным представляется именно тот факт, что подавляющее большинство лексикализованных форм являются глаголами предельными в абсолютном употреблении, или, реже, глаголами с подвижной границей предельности/непредельности, т.е. в определенных контекстах допускающих представление о действии как о предельном. Например: *æвзарын* "выбирать"; *æвзидын* "замахиваться", *æвзийын* "выпадать" (о волосах); *æрвитын* "посыпать"; *æвзылын* "бросать, выкидывать"; *æргæвдын* "резать живое существо".

Приведенные и многие другие примеры опрощенных глагольных образований подтверждают нашу гипотезу о том, что в древнеиранском, а затем и в осетинском языке была развита система маркировки предельного характера действия с помощью превербов. Особый смысл эта гипотеза получает при сопоставлении с таким фактом, как отсутствие срощенного преверба в иронских глаголах, соответствующих более архаичным дигорским глаголам с мертвой приставкой *и-*.

Например:

дигорский		иронский
<i>игурун</i>	"рождаться"	<i>гуырын</i>
<i>игъосун</i>	"слушать"	<i>хъусын</i>
<i>изайун</i>	"расти, оставаться"	<i>зайын</i>
<i>ирайун</i>	"радоваться"	<i>райын</i>
<i>исарун</i>	"закалять"	<i>сарын</i>
<i>исæфун</i>	"пропадать"	<i>сæфын</i>
<i>исæрдун</i>	"смазывать"	<i>сæрдын</i>
<i>итауын</i>	"расстилать, сеять"	<i>таун</i>
<i>ихалун</i>	"развязывать, портить"	<i>халын</i> и др.

При соединении иронских (бесприставочных) глаголов с живыми, продуктивными, превербами утраченный преверб восстанавливается: *гуырын* "рождаться" *ра-* = *й-* = *гуырын* "родиться"; *хъусын* "слушать" // *ба-* = *й-* = *æхъусын* "услышать"; *зайын* "оставаться" // *баззайын* "остаться" (где *-з-* из *-й-* через ассимиляцию); *сæрдын* "смазывать" // *байсæрдын*, *райсæрдын* "смазать"; *сæфын* "пропадать" // *æрбайсæфын* "пропасть"; *сарын* "закалять" // *байсарын* "закалить"; *тауын* "сеять" // *байтауын* "посеять"; *райтауын* "расстелить"; *уарын* "раздавать" // *байуарын* "раздать, поделить"; *халын* "разрушать" // *байхалын* "разрушить" и т.д.

Если восстановление утраченного преверба в процессе словообразования отмечается Р.Л. Цаболовым [Цаболов 1957: 328–329] как доказательство "недавно появившейся разницы в употреблении превербов", т.е. недавней утраты иронскими формами мертвых превербов, то для нас этот факт принципиально важен как свидетельство о позднем, сравнительно новом в осетинском языке явлении перфективации с помощью превербов. Этот вывод вытекает из того, что необходимость в маркировке предельности с помощью превербов отпала, на наш взгляд, вследствие развившейся в осетинских глагольных префиксах перфективирующей способности. А поскольку в ряде глаголов утраченный преверб все еще легко восстанавливается, что доказывает недавность процесса утраты осетинскими превербами роли показателей предельности, то и возникновение в них перфективирующей способности тоже следует рассматривать как явление сравнительно недавнего времени. Постепенно, когда категория глагольного вида охватила в осетинском всю глагольную лексику, и категория предельности/непредельности оказалась подчиненной категории вида,

стала, по-видимому, ненужной, а потому утрачивалась и система "маркировки" предельности.

Следы этой постепенной "утраты" еще сохранились в примерах, подобных вышеприведенным.

Аналогичная ситуация имела место и в славянских языках, где "оппозиция предельности/непредельности сохраняется в снятом виде, будучи перекрыта развитием совершенности и несовершенности: старые различия предельных и непредельных глаголов проявляются в том, что предельные глаголы, как правило, могут выступать как в совершенном, так и в несовершенном виде или же в одном совершенном, тогда как непредельные глаголы выступают только в несовершенном виде" [Маслов 1961: 175–176].

Следовательно, данные дигорского, более архаичного диалекта в сравнении с данными иронского диалекта тоже подтверждают, что осетинские глагольные приставки, несомненно, обладали способностью маркировать предельность. Эта особенность осетинского языка как иранского хорошо коррелирует с данными древних и современных иранских языков, подтверждающими использование в этих языках глагольных приставок как показателей предельного характера действия. Так, например, Д.И. Эдельман [Эдельман 1975: 347] подчеркивает, что "древнеиранский располагал довольно богатой системой предлогов-превербов, уточнявших протекающие действия в пространственном, временном отношении, а также указывавших на предельность действия". Аналогичное утверждение находим у Г. Райхельта [Райхельт 1978: 302]. А. Мейе отмечал [Мейе 1931: 132], что в древнеперсидском "формы, снабженные превербами, служили для указания на действие, достигшее предела, завершения". Е.Е. Арманд приводит 16 древнеперсидских глаголов с приставками *ava-* и *ni-*. Все анализируемые в статье глагольные значения – предельной семантики [Арманд 2000: 209–213]. На эту же особенность глагольных приставок в древних индоевропейских языках обращает внимание и Ю.С. Маслов: "Ряд глагольных образований с маркированным значением предельности и непредельности был отмечен в древних индоевропейских языках и восстанавливается для индоевропейского праязыка в работах Дельбрюка, Вандриеса, Шантрена, Мейе и других лингвистов" [Маслов 1962: 16].

Как считают специалисты, "в эпоху существования древнеперсидского и древнеосетинского (скифского) языков, т.е. примерно в середине I тыс. до н.э., различия между ними были еще очень невелики, эти языки еще очень недалеко отошли от общеиранского состояния, являясь, по существу, близко родственными диалектами общеиранского" [Оранский 1973: 83–84].

Следовательно, можно предполагать, что и в скифском языке превербы соответствующей семантики могли выступать в роли показателей предельности. Интересно, что даже те немногочисленные примеры приставочных глаголов, которые имеют "наспорт" скифских, могут служить подтверждением нашему предположению: *a-raz* "направлять, устраивать" [Абаев 1949: 154]; *a-rga* (из *a-gra*) "благословлять" [там же: 154]; *a-may* "строить" [там же: 153]; *para-data* (*da-* "устанавливать" + приставка *para-*) "назначенный, предустановленный" [там же: 175]; *fra-xvay* "пронзать" [Абаев 1979: 347]; *fal-dar* "сокрушать" [там же].

Таким образом, у нас нет оснований сомневаться в том, что к началу кавказского этапа истории осетинского языка его отличала хорошо развитая система маркировки предельности глагольного действия с помощью приставок. Эту особенность осетинских превербов можно рассматривать как генетически унаследованную из индоевропейской общности.

В современном осетинском языке превербы, сочетаясь с глаголами определенных лексико-семантических групп и, прежде всего, с глаголами движения-перемещения, "выражают не только направление передвижения абстрактно в пространстве, но и положение наблюдающего субъекта по отношению к движущемуся предмету" [Абаев 1949: 107].

a – движение наружу, с позиции наблюдателя внутри;
pa – движение наружу, с позиции наблюдателя снаружи;
ба – движение внутрь, с позиции наблюдателя снаружи;
арба – движение внутрь, с позиции наблюдателя внутри;
ны – движение вниз, с позиции наблюдателя наверху;
ар – движение вниз, с позиции наблюдателя внизу;
c – движение вверх как с точки зрения находящегося внизу, так и с точки зрения находящегося наверху.

Например:

<i>Кæсын</i>	<i>ба-кæсын</i> "заглянуть внутрь" (с позиции наблюдателя снаружи)
"смотреть",	<i>арба-кæсын</i> "заглянуть внутрь" (с позиции наблюдателя внутри)
"глядеть"	<i>ны-кæсын</i> "глянуть вниз" (с позиции наблюдателя сверху)
	<i>ра-кæсын</i> "выглянуть изнутри наружу" (с позиции наблюдателя "снаружи")
	<i>скасын</i> "взглянуть наверх" (безотносительно позиции наблюдателя).

Отличительной особенностью пространственных значений осетинских превербов является сема ориентации наблюдателя. "Ориентацией называется грамматическая категория, показывающая позицию говорящего, обозначенную глаголом действия по отношению к направлению" [Шанидзе 1955: 143]. Этот элемент значения в осетинских, иранских по происхождению, глагольных префиксах расценивается В.И. Абаевым как субстратный, кавказский, развившийся в осетинских аффиксах в иберийско-кавказском окружении [Абаев 1949: 106–107].

Как известно, в иберийско-кавказских языках функционируют превербы как направления, так и ориентации, в разных языках развитые в разной степени [Ахведиани 1960: 179–184; Кумахов 1964: 164–165, 190–199; Хайдаков 1975: 19–29; Тарланов 1977: 93; ГКЧЛЯ 1970: 168–181; Дешериева 1979: 111].

"Не менее двух тысяч лет аланы-осетины являются народом кавказским и находятся в тесных отношениях и взаимодействии с народами коренного кавказского этнического круга, поэтому хорошо понятно происхождение локальной семантики в глагольных префиксах осетинского языка, – той особой семантики, которая составляет его специфику сравнительно с индоевропейскими глагольными префиксами" [Абаев 1949: 76, 107].

Таким образом, ареальные связи осетинского языка в иберийско-кавказском окружении на протяжении достаточно длительного отрезка времени (не менее двух тысяч лет) позволили развить в глагольных приставках пространственно-ориентационные значения, не столь разнообразные как в дагестанских языках или грузинском, но достаточные для того, чтобы стать вторым важнейшим условием для формирования видовых значений, категории вида в осетинском языке.

Напомним, как складывался вид в русском языке. Как известно, доминантой начального этапа развития категории вида в русском языке было формальное и семантическое развитие несовершенного вида. В праславянском, в древнерусском для грамматического «разграничения двух семантических возможностей, двух значений, выразившихся ранее одной формой: "процессной направленности" на достижение результата, предела (быть в процессе собирания и т.п.) и самого его реального достижения (*собрать*)... используется имеющаяся в наличии модель, прямой задачей которой было выражение неопределенности и многократности предельного действия. Во вторых членах "пар" *из-носить / из-нести; вы-носить / вы-нести; прилететь / прилетати; пасти / падати* и т.д. наряду с их прежними неопределенно-многократным значением развивается процессное. Эти пары или некоторые их типы (в первую очередь, тип *прилетети / прилетати*) дают модели для образования к существующим предельным глаголам вроде *сбьрати* производных основ процессного и неопределенно-многократного значения.

Неопределенность и многократность выступают как способ представления процессного значения, как его внутренняя форма, его "этимон". Такое образование, как

выносить, кроме значения "несколько раз вынести" и получает значение "начать вынесение, но не закончить его, быть в процессе вынесения". И таким же образом возникающее в этот момент *сбтирает*, которое буквально должно было бы значить только "какое-то количество раз соберет", получает значение "начал, но еще не кончил собирание, находится в процессе собирания, занят собиранием". Эти возникающие по аналогии формы типа *сбтирает* являются уже с самого начала, так сказать, формами несовершенного вида. Их возникновение было началом рождения несовершенного вида и, тем самым, вообще вида в собственном или узком смысле слова» [Маслов 1961: 190–191].

Как неоднократно подчеркивал А.В. Бондарко, в формировании русского несовершенного вида исключительная роль принадлежала семантическому и формальному развитию значения процессности. В свою очередь, "важнейшим контекстуальным и ситуативным условием реализации функции процессности является признак перцептивности: "Процессное действие – это действие, воспринимаемое в процессе его протекания, действие наблюдаемое (или воспринимаемое на слух, осязаемое и т.д.). Признак перцептивности реализуется и конкретизируется в обозначении момента фиксации процесса, наблюдателя (воспринимающего субъекта) и места протекания воспринимаемого процесса (в определенном отношении к позиции восприятия) [Бондарко 1980: 14]. При реализации признака перцептивности очень важно, как соотносятся сема "место наблюдения" с семой "место протекания действия" [Бондарко 1983: 133].

В осетинских глаголах предельно-результативной семантики с приставками *ра-*, *арба-*, *ар-*, *с-*, *фа-* обнаруживаем именно такое соотношение названных сем "позиции наблюдателя" и "пространственного направления действия", которое позволяет обозначить процессность действия, не противоречит признаку перцептивности, поскольку локальная ориентация наблюдателя и пространственное направление действия совпадают, соответствуют:

- ра-* – движение наружу и наблюдатель снаружи;
- арба-* – движение внутрь и наблюдатель внутри;
- ар-* – движение вниз и наблюдатель внизу;
- с-* – движение вверх (безотносительно позиции наблюдателя);
- фа-* – движение в любом направлении (безотносительно локализации наблюдателя).

Приведем сравнительный анализ пространственно-ориентационных значений других приставок:

- а-* – движение наружу, а наблюдатель внутри;
- ба-* – движение внутрь, а наблюдатель снаружи;
- ны-* – движение вниз, а наблюдатель наверху.

Как видим, момент фиксации процесса, воспринимаемого наблюдателем, не может быть выражен в этих приставочных образованиях в силу их локальной семантики, а точнее, в силу несоответствия локальной ориентации наблюдателя тому пространственному направлению действия, которое обозначается данными приставками.

Развитие и стабилизация в приставочных глаголах определенных лексико-семантических групп и, прежде всего, в глаголах движения–перемещения с приставками *ра-*, *арба-*, *ар-*, *с-*, *фа-* пространственно-ориентационных значений, позволяющих "перцептивировать" (воспринимать) процесс, в сочетании со значением предельности, обеспечило семантическую возможность для формального выражения значения процессности и значения достигнутой предельности в глаголах результативно-предельной семантики.

К сожалению, мы не располагаем никакими памятниками письменности древнеосетинского языка, по которым можно бы проследить в какой-то мере развитие этого процесса. Единственный источник, отражающий более древнее, в сравнении с современным осетинским языком, состояние, – это дигорский диалект. Данные дигорского диалекта, в котором также функционируют глагольные образования с -

цэй-, показывают, что этот аффикс не обязательно придает глаголу значение процессуальности, недостижимости предела. «Дигорский... часто не дает заметного отличия от форм без *-цэй-* глагольных образований с этим аффиксом. *Рацэйивгъудэй ма дога* "ушло мое время"; *ниццэйкалдай ма маэсуг* "рухнула моя башня". Вместо *рацэйивгъудэй* "ушло" и *ниццэйкалдай* "рухнула" здесь можно было бы сказать также *райевгъудэй* "ушло" и *никкалдай* "рухнула", так как речь идет о вполне завершенных действиях» [Абаев 1949: 419].

Приведенные данные позволяют, во-первых, отметить незаконченность процесса становления в дигорских глагольных образованиях с *цэй-* значения недостижимости предела, а во-вторых, эти данные в какой-то степени отражают тот период в истории осетинского языка, когда былое значение уже выхолостилось в глагольных образованиях с *цэй-*, а новое, аспектуальное, еще не стабилизировалось.

Со временем на основе значения конкретной процессуальности в глагольных образованиях с *-цэй-* развивается более абстрактное значение недостижимости предела действия, т.е. значение, свойственное современным формам НСВ, выраженным глаголами с *-цэй-*.

В противоположность аспектуальной семантике глагольных образований с *-цэй-* в их производящих, в приставочных глаголах, актуализируется, все более осмысливается как свойственное именно этим формам значение достигнутого, реализуемого внутреннего предела действия – предела, ограниченного качественно, т.е. направленного на достижение предела, свойственного данному действию по его природе (сфера предельно-результативных глаголов), и предела, ограниченного количественным проявлением действия (предельно-количественные глаголы). Следующий шаг в развитии осетинского вида состоит: 1) в осмыслении приставочных образований, имевших производную форму с *-цэй-*, как указывающих на достигнутость внутреннего абстрактного предела действия, и, следовательно, 2) в осмыслении приставок как видообразующего средства.

Только со стабилизацией противопоставления приставочного глагола и его производного с аффиксом *-цэй-* в качестве видовой оппозиции по семантическому основанию "направленность на достижение предела", реализуемого как "достигнутость/недостигнутость предела", было возможно окончательное осмысление приставок в качестве видообразующего средства, а затем – соотношение бесприставочных (производящих) и приставочных (производных) глаголов как разных по виду и поляризация бесприставочных (производящих) как НСВ и приставочных (производных) как СВ.

Процесс превращения приставочных глаголов в глаголы совершенного вида носил, очевидно, постепенный характер и охватил не все приставочные способы действия сразу. Более того, и в современном осетинском языке существует группа приставочных глаголов, которые следует рассматривать как недифференцированные по виду. Речь идет о большой группе приставочных образований с превербом *-фæ-*.

Поскольку в зону видовых значений вовлекались, как это можно предполагать, исходя из свойственных многим языкам общих закономерностей в развитии видовых противопоставлений, прежде всего глаголы предельной семантики, то отвечавшие этому требованию обязательной семантической предельности опрощенные (не осознаваемые как приставочные) глагольные образования использовались для выражения видовых значений самым активным способом.

С развитием и стабилизацией видовой категории, когда "видовая корреляция одерживает верх над корреляцией действий детерминированных и индетерминированных, детерминированные основы получают известное предрасположение к перфективному употреблению" [Ван-Вейк 1962: 252], категория предельности/непредельности оказывается скрытой, подчиненной категории вида, "проявляет себя косвенно во взаимодействии с другими категориями и через это взаимодействие" [Маслов 1962: 16–19], отпадает необходимость "в прямом и непосредственном грамматическом ее выражении" [Там же].

Напомним в этой связи еще раз о ситуации со сращенными в дигорском диалекте "старыми" превербами, которых уже нет в иронских формах, но они восстанавливаются в процессе приставочного словообразования. Эта ситуация сохраняет четкие следы постепенного подчинения категории предельности/непредельности категории вида, следы постепенной утраты потребности в маркировке с помощью превербов предельного характера действия, поскольку категория глагольного вида со временем охватила всю осетинскую глагольную лексику.

Наша гипотеза о том, что возникновение категории глагольного вида в осетинском языке стало возможным с развитием категории пространственной ориентации и формирование видовых значений в осетинском началось в кругу приставочных глаголов движения–перемещения в результате взаимодействия аспектуальных (предельность) и пространственно-ориентационных значений, очень важно, как нам кажется, с историко-типологической точки зрения. Как неоднократно отмечалось многими авторами, необходимость выражения имперфективного значения возникла в кругу приставочных глаголов, которые в позднем праславянском языке, равно как и в предписьменную эпоху развития древнерусского языка, составляли самую многочисленную группу глагольной лексики. Первоначально именно она была достаточно отчетливо дифференцирована по категориям определенности/неопределенности и предельности/непредельности, на стыке которых и началось формирование видовых значений. Поэтому развитие категории имперфективности шло главным образом в этой сфере [ИГРЯ 1982: 163].

Таким образом, и в русском (славянском) языке, и в осетинском (иранском) языке сходные лингвистические предпосылки явились базой для развития в обоих языках грамматической категории глагольного вида. Если в древнерусском языке «самая высокая и очевидная степеня перфективации... представлена приставочными образованиями определенных глаголов движения типа "нести"» [Ружичка 1962: 313], то, очевидно, и в древнеосетинском языке была сходная ситуация.

Приставочные глаголы являлись в древнейший период исторического развития глагольного вида в осетинском языке, так же, как и в русском, глаголами, недифференцированными по виду. Осмысление приставок как видообразующего средства, сообщающего глагольной основе значение совершенного вида, происходило постепенно, на протяжении длительного времени, в связи со стабилизацией значения совершенного вида в приставочных глагольных образованиях. Самым поздним этапом в истории развития видовых отношений в осетинском, так же, как и в русском, следует считать процесс поляризации производящих бесприставочных и производных глаголов. Он имел вторичный характер, так как мог начаться только после стабилизации сферы совершенного вида и закрепления за превербами видообразующей функции.

Отражением того, что процесс осмысления приставочных глаголов как глаголов СВ и приставок как видообразующего средства был длительным, охватил не все языковые формы сразу, служит, в известной мере, группа приставочных глаголов с префиксом *фæ-*, не дифференцированных по виду, так как по ряду причин эта группа оказалась на периферии формировавшейся категории вида.

Выбор в качестве имперфективного члена разных моделей в каждом из рассматриваемых языков существенно повлиял на окончательное формирование категориальных значений НСВ и СВ в русском и в осетинском языках и во многом определил то различие между ними на уровне категориальных значений, которое их отличает на современном этапе.

В древнеосетинском языке глагольные образования с аффиксом *-цæй-* сразу, с самого начала их привлечения к выполнению аспектуальной функциональной нагрузки, выступают в строго однозначном плане: выражают только процессуальное значение. Для выражения значений, соответствующих функционированию русского неограниченно-кратного значения НСВ (во многих его разновидностях), в осетинском языке используется аналитическая конструкция "глагол + частица *-иу*".

Выражение политемпоральной кратности действия с помощью конструкции "глагол + частица -иу" – явление сравнительно позднего в истории осетинского языка времени. Об этом свидетельствуют данные дигорского диалекта, где многократность может быть выражена формами сослагательного наклонения, как в сочетании с частицей -иу, так и без нее [Абаев 1949: 360]. Присоединение частицы -иу к глаголу в повелительном наклонении может выражать и будущее время, и многократность [Абаев 1949: 589]. Какое конкретное значение имеется в виду, выясняется только благодаря контексту, т.е. "один и тот же компонент в условиях различного рода соединений выполняет практически как бы различные функции, образует разные соединения и приписывает форме полного глагола различные категории" [Гухман 1955: 343]. Это обстоятельство является фактором, указывающим на неокончательную грамматикализацию конструкции "глагол + частица -иу" и, следовательно, подтверждением сравнительно недавнего времени возникновения категории кратности в осетинском языке.

Важно отметить, что первым важнейшим фактором возникновения вида в осетинском языке явилась развитая предком осетинского языка способность обозначать предельный характер глагольного действия с помощью приставок (именно этот фактор мы определяем как генетическую предпосылку в осетинском языке). Вторым важнейшим фактором стало развитие в кавказский период "биографии" осетинского языка пространственно-ориентационных значений в провербах (это элемент кавказского субстрата в осетинском языке, это результат ареальных связей), и, наконец, типологическое сходство обнаруживается между русским (славянским) и осетинским (иранским) языками в строении и содержании функционально-семантического поля аспектуальности в результате реализации в этих языках сходных лингвистических предпосылок. Семантической базой грамматического противопоставления СВ/НСВ в обоих языках является универсальный признак ограниченности/неограниченности развития действия во времени, однако конкретное отражение этого признака в семантической стороне грамматического строя сопоставляемых языков различно: в русском языке он выступает как обязательное указание на целостность/нецелостность действия, а в осетинском языке – на достигнутость/недостигнутость предела.

Использование в древнерусском языке для разграничения значений "процессной направленности" на достижение предела действия и самого его реального достижения итеративов в качестве модели, прямой задачей которой ранее было выражение неопределенности и многократности предельного действия, обусловило в дальнейшем развитие в русских глаголах НСВ наряду с конкретно-процессным значением как основным значением НСВ и значения неограниченной кратности действия.

В осетинском же языке основные значения видовых форм вырабатывались под влиянием других факторов, что, в свою очередь, привело к формированию в осетинском языке, кроме категории вида, аспектуальной категории кратности, составляющей вместе с категорией вида ядро функционально-семантического поля аспектуальности, на периферии которого находятся способы действия и лексические средства обозначения характера протекания и распределения во времени действия.

Сопоставляемые языки при очевидном типологическом сходстве заметно отличаются не только разным сочетанием универсальных и идиоэтнических аспектуально-акциональных компонентов в способах действия, не только объемами и содержанием семантических потенциалов видовых значений, но и тем, как взаимодействуют в каждом из этих языков средства ядра и периферии при отражении одной и той же ситуации объективной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1949 – В И Абаев Осетинский язык и фольклор. Т I М ; Л., 1949

Абаев 1962 – В И Абаев Грамматический очерк осетинского языка // Осетино-русский словарь. 2-е изд. Орджоникидзе, 1962.

- Абаев 1965 – *В И Абаев* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
- Абаев 1977 – *В И Абаев* Значение ареальных контактов в истории языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
- Абаев 1979 – *В И Абаев* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания Древнеиранские языки. М., 1979.
- Авилова 1976 – *Н С Авиллова* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976
- Арманд 2000 – *Е Е Арманд* Соотношение превербов *ana-* и *nt-* в древнеперсидском языке // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000.
- Арутюнова 1965 – *Н Д Арутюнова* О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- Бондарко 1971 – *А В Бондарко* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1973 – *А В Бондарко* О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
- Бондарко 1980 – *А В Бондарко* Об уровнях описания грамматических единиц (На примере анализа функций глагольного вида в русском языке) // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
- Бондарко 1983 – *А В Бондарко* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Ван-Вейк 1962 – *Н О Ван-Вейк* О происхождении видов славянского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- ГКЧЛЯ 1970 – Грамматика кабардинско-черкесского литературного языка. Нальчик, 1970.
- Гуриева 1959 – *М А Гуриева* О словообразовательной функции глагольных префиксов // Известия Сев.-Осетинского научно-исследов. ин-та. Орджоникидзе, 1959.
- Гухман 1955 – *М М Гухман* Глагольные аналитические конструкции // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Жирмунский 1976 – *В И Жирмунский* Об аналитических конструкциях // Общее и германское языкознание. М., 1976.
- Исаев 1966 – *М И Исаев* Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология. М., 1966
- ИГРЯ 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Козырева 1954 – *Т З Козырева* Глагольные приставки и их основные функции в осетинском языке // Известия Сев.-Осет. научно-исследов. ин-та. Орджоникидзе, 1954.
- Маслов 1959 – *Ю С Маслов* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1961 – *Ю С Маслов* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.
- Маслов 1962 – *Ю С Маслов* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы общего языкознания. Л., 1962.
- Маслов 1975 – *Ю С Маслов* Введение в языкознание. М., 1975.
- Маслов 1978 – *Ю С Маслов* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Оранский 1979 – *И М Оранский* Вопросы историко-типологической классификации иранских языков // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
- РГ-80 – Русская грамматика. М., 1980.
- Ружичка 1962 – *Р Ружичка* Глагольный вид в "Повести Временных лет" // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Смирницкий 1953 – *А И Смирницкий* Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках // Ин. яз. в шк. 1953. № 2.
- Цаболов 1957 – *Р Л Цаболов* К истории осетинских превербов // Известия Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-та. Орджоникидзе, 1957. Т. XIX.
- Эдельман 1975 – *Д И Эдельман* Категория времени и вида иранских языков. Т. II. Эволюция грамматических категорий. М., 1975.